https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-168-177
УДК 37с
ББК 66.3(2Рос) + 71.0
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. А.Н. Буртасенков
г. Москва, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ЖЕНЩИН КАК ПРОБЛЕМА ОБЫДЕННОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотацияч: Женщины, занимающие высокое положение во власти, как и их путь во власть, вызывает интерес у ученых, изучающих властные отношения — политологов, элитологов, экономистов. Это объясняется возрастающей ролью, которую играют женщины во всех областях общественной жизни как отдельной страны или региона, так и в мире в целом. Вместе с тем путь женщины во власть и особенности ее нахождения во власти, исследуемые преимущественно в рамках политологии, экономики или элитологии, дают недостаточно информации о культурных составляющих данного процесса. Особенно малочисленным является корпус исследований, посвященных культурным составляющим интересов женщин в ходе их продвижения к власти и пребывания в ней. Менее всего представлен корпус исследований, посвященных культурным составляющим интересов женщин в процессе продвижения и нахождения во власти. При этом культурные составляющие интересов женщин во власти способны пролить свет не только на сущность власти, но и на специфику ее формирования и осуществления в различных политических, экономических и культурных контекстах. Исследование этих составляющих также позволяет преодолеть ложные стереотипы, связанные с женским присутствием во власти, которые формируются в обыденных представлениях и препятствуют выработке научного взгляда на роль женщин в цивилизационном и духовно-культурном развитии России.

Ключевые слова: культура, интересы, женщина во власти, обыденное и теоретическое сознание

Информация об авторе: Алексей Николаевич Буртасенков — аспирант, Московский государственный институт культуры, Библиотечная ул., д. 7, 141406 г. Химки, Московская область, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-6725-7667
E-mail: Burtasenkov@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.08.2024
Дата одобрения статьи рецензентами: 29.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Буртасенков А.Н.* Культурные интересы женщин как проблема обыденного и теоретического сознания // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 168–177. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-168-177

Сознание современного человека не является однородным в том смысле, что в нем сосуществуют различные уровни отражения реальности: обыденно-практический и теоретический [11]. Обыденное сознание (или обыденные представления) формируется стихийно на основе повседневного опыта, отличается фрагментарностью, эмоциональной окрашенностью и высокой восприимчивостью к стереотипам. Теоретическое сознание — это систематизированное, понятийное знание, вырабатываемое наукой и философией [15, с. 567].

Несмотря на значительный объем современной научной литературы, свидетельствующей о равных способностях женщин в области карьерного роста (например, исследования в области психологии управления и социологии труда [5]), обыденные представления до сих пор не свободны от примеров умаления женских способностей по сравнению с мужскими. Если в области спорта действительно могут быть обнаружены объективные различия[1], то в сфере интеллектуальной деятельности и культуры подобные мнения являются предрассудком. Однако обыденные представления оказываются устойчивыми и используются в повседневных практиках объяснения карьерного роста успешных женщин, особенно когда речь идет о женщинах, наделенных властью. Один из устойчивых стереотипов заключается в том, что в сфере интересов женщин, стремящихся к управленческой карьере, культурная составляющая практически отсутствует. Следовательно, актуален поиск культурной составляющей у женщин, продвигающихся к соответствующим должностям и уже занимающих такие должности.

На современном этапе проблема представленности женщин во власти (т. е. проблема гендерного дисбаланса и специфики карьерных траекторий) исследуется в контексте социологического, политологического, исторического, психологического и культурологического знания. В частности, Колесник Н.В. анализирует особенности рекрутирования женщин в административной сфере на федеральном и региональном уровне [4], Крыштановская О.В., Исупова О.Г., Уткина В.В., Ушакова В.Г., Савин С.Д. изучают вопросы гендерного равенства и представленности женщин в системе государственного управления; Воронкова А.И., Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю. в своих работах фокусируют исследовательское внимание [13, с. 142–162] на представленности женщин в бизнесе и сравнительном анализе степени их продвижения во власти; Ивлева Т.А., Первушина Е.В обращаются к историческим аналогиям в женском политическом лидерстве [7]; Чернявская Н.А., Темникова Н.Ю. определяют коммуникативно-психологический образ женщины-лидера [12, с. 154–167]. Однако философский анализ культурной составляющей в интересах женщин во власти позволяет, на наш взгляд, глубже выявить общее, особенное и единичное в гендерном контексте продвижения к власти и пребывания в ней.

Одним из распространенных в обыденных представлениях ответов на вопрос о том, как молодые женщины преодолевают «стеклянный потолок» и «стеклянные стены» [2, с. 475], является предположение об игнорировании ими правил нравственного поведения. Согласно этой логике, женщины избирают карьерный путь вследствие отсутствия у них «мужских качеств»: сильного характера, твердости, смелости в решении сложных задач. Однако исследования показывают, что женщины нередко обладают твердым характером, не уступающим мужскому, а также необходимым уровнем

[1] На Олимпийских играх 2024 г. МОК допустил к женским соревнованиям по боксу спортсменок, не прошедших гендерный тест Международной федерации бокса (определивший мужскую хромосому). Этот случай демонстрирует объективные биологические различия, но не относится к интеллектуальной или управленческой деятельности.

управленческой активности в бизнесе, административной системе, законотворчестве. Работа женщин на руководящих позициях в крупных корпорациях (например, данные о CEO крупнейших компаний из рейтинга Forbes) демонстрирует смелый подход к управлению [5, с. 53–70]. Следовательно, для достижения карьеры им не требуется поступаться общественными нормами приличия. Высокая нравственность, сопутствующая женской карьере, является скорее правилом, чем исключением.

Другим заблуждением является представление о непременном стремлении женщины найти экономически обеспеченного мужчину, без которого невозможно преодоление «стеклянного потолка». В обыденных представлениях этот фактор нередко считается базовой составляющей интересов женщины. Действительно, в процессе продвижения многие женщины исходят из материального фактора, обеспечиваемого их семьями или социальными связями. Однако члены семьи успешной женщины испытывают удовлетворение не от нарушения ею нравственных норм, а, напротив, от их соблюдения.[2] Нравственное поведение становится условием предоставления материальной помощи. В России данное требование получает дополнительный культурный потенциал в связи с национально-этнической принадлежностью. Например, в семьях из республик Северного Кавказа и других регионов юга России за нравственной обусловленностью интересов родственниц следят порой даже строже, чем за их карьерой. Основания для стереотипа о необходимости обеспеченного мужчины возникают не случайно: СМИ, освещая антикоррупционные дела, проявляют особый интерес к женам арестованных мужчин. На имя жен часто зарегистрирована недвижимость или переведены крупные суммы, что формирует в обыденном сознании образ женщины, чья карьера зависит от коррупционной деятельности супруга, без учета возможных человеческих чувств или иных мотивов.

Противоположным стереотипом является мнение о женской непрактичности. Однако исследования показывают, что женщины-предприниматели ведут бизнес не хуже мужчин и не допускают издержек, не ведущих к сохранению или увеличению капитала [5]. При этом нельзя утверждать, что женщины в бизнесе не одеваются изысканно. Изысканность, тем не менее, определяется необходимостью представительства и эстетическим вкусом, а не бессознательным преследованием желания демонстрации своего превосходства над другими через одежду и предметы роскоши.

Культурная обусловленность интересов женщин имеет не только региональные или семейные истоки, но и исторические. Российская история дает немало примеров образованных женщин, проявлявших духовность, нравственное смыслополагание и самопожертвование. В качестве таких примеров можно назвать императриц, членов Российской академии наук, а также женщин из высших сословий [7]. Однако не только представительницы аристократии, но и крестьянки, работницы выступали носителями нравственных черт, которые могут рассматриваться как этический ресурс[3] для современных женщин-политиков и руководителей.

Еще один стереотип обыденных представлений касается отсутствия рациональности у женщин, принимающих решения. При этом рациональность как соотнесен-

[2] Примером может служить исследование профессора Кэтлин Макгинн в Гарвардской бизнес-школе. Опрос среди 100000 мужчин и женщин из разных стран показал, что дети успешных матерей сами чаще занимали лидерские позиции. Уровень доверия в семье был выше в тех семьях, где достижения матери воспринимались как социально полезный и честный труд без нарушения моральных принципов и норм.

[3] Под «этическим ресурсом» здесь понимается совокупность моральных качеств, исторически закрепленных в культуре и транслируемых следующим поколениям.

ность познания с образцами, стандартами, логическими нормами [11] приписывается мужчинам, что порождает дихотомию рационального / иррационального способов деятельности в зависимости от пола руководителя. Однако динамика развития компаний, основанных женщинами, а также анализ законопроектов, вносимых женщинами-депутатами в Государственную Думу и Совет Федерации, свидетельствуют о наличии рациональных оснований в их деятельности. Как показало исследование законотворческой активности в Федеральном Собрании РФ (2016–2023), эффективность женщин-парламентариев практически сопоставима с мужской (19,7% против 21,2% принятых инициатив), а индивидуальная эффективность женщин более чем втрое выше мужской (19,3% против 6,9%) [14]. Невозможность для внешнего наблюдателя определить логику женских решений объясняется не их иррациональностью, а непрозрачностью процедур выработки решений в российской элите. Когда решение эффективно, его авторство часто приписывается мужчине; когда неэффективно — женщине. Эту устойчивость подкрепляют медийные репортажи о конфликтах (например, в семейном бизнесе), где акцент делается на эмоциональных, а не рациональных аспектах[4].

В отличие от обыденных представлений, научные исследования в области менеджмента демонстрируют, что успешные результаты являются следствием не столько гендерной принадлежности, сколько оптимального гендерного баланса и профессиональности лидеров. Тип лидера определяется не биологическим полом, а конкурентной средой, темпом принятия решений, способностью адаптироваться к изменениям и демонстрировать как «мужские», так и «женские» черты [5].

Более сложными для преодоления являются стереотипы, обязанные своим возникновением не средствам массовой информации или домыслам на обыденном уровне, а научным исследованиям. Так, основанием для стереотипа в отношении женщин, представленных в кругу лиц, принимающих существенные для страны решения, т. е. женщин элиты, является выявленное в опросах общественного мнения отсутствие «женского лица» большой российской политики [4]. Однако даже единичные случаи присутствия женщин на ключевых постах (Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко, Министр культуры О.Ю. Любимова, Уполномоченный по правам человека Т.Н. Москалькова, заместитель Председателя Государственной Думы И.А. Яровая, заместитель председателя Правительства Т.А. Голикова) опровергают мнение о полном отсутствии женщин.

Скорее всего, российские женщины во власти предпочитают оставаться на вторых ролях, что позволяет им эффективно участвовать в принятии решений, не принимая на себя публичного лидерства. Умение добиваться оптимальных решений, находясь на вторых ролях, имеет не только логическое, но и историческое подтверждение (влияние Р. Горбачевой, Н. Ельциной, Т. Дьяченко на принятия решений первых лиц государства) [6].

В современной российской политике и государственном управлении [10], авторы используют восприятие демократии мужчинами и женщинами как теоретический конструкт для задействования в эмпирическом исследовании и объяснении приводимой ими статистики. Смысл конструкта состоит в том, что женщины видят в демократии возможность достижения равноправия и стремятся к сильному государству, в то время как мужчины связывают с демократией возможность реализации своей автономии и свободы для занятия высоких должностей:

[4] Примером может служить конфликт в компании "Wildberries", вокруг которого в интернете возникло множество слухов, связывавших управленческие противоречия с семейными отношениями между основателями.

> Однако восприятие демократии женщинами отличается от восприятия ее мужчинами. Женщины чаще отдают предпочтение равноправию, активному участию в управлении государством, сильному государству. Мужчины чаще рассматривают демократию сквозь призму индивидуальной автономии и свободы и если решают участвовать в политике, то хотят занимать в ней высокие должности [10, с. 21].

Статистика, которую приводят авторы статьи, демонстрирует увеличение количества женщин на руководящих должностях в государственной службе, в центральных аппаратах федеральных органов власти, в исполнительных органах, в Государственной думе и Совете Федерации:

> За последние 5 лет доля женщин, замещающих должности гражданской службы в центральных аппаратах федеральных органов государственной власти, увеличилась на 2,5 п. п. (2021 г. — 59,4%), доля женщин среди государственных служащих органов исполнительной власти субъектов РФ — на 4,7 п. п. (2021 г. — 74.2%). Доля женщин в категории «руководители» в центральных аппаратах федеральных органов государственной власти увеличилась на 5,3 п. п. (2021 г. — 40% от общего числа руководителей, 1,2 тыс. женщин) [10, с. 23].

Это позволяет авторам прийти к выводу: «Таким образом, современная российская гендерная модель государственной власти характеризуется преобладающей долей женщин (40% — более 70%, в том числе в категории «руководители») в исполнительной ветви государственной власти субъектов, где решаются конкретные проблемы жизни людей» [10, с. 23].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что статистика, приводимая авторами, как и избранная дата для сравнения, 2021 г., была призвана выступить фактом несогласия с мнением западных агентств, отводящих России в международных рейтингах низкие места: «В соответствии с индексом гендерного разрыва 2021 г. (The Global Gender Gap Index), по версии Всемирного экономического форума (World Economic Forum), Россия находится на 81-м месте по показателю равноправия полов, в том числе по политическим правам и возможностям» [10, с. 22]. Однако, в соединении с теоретическим конструктом, используемым авторами, позволяющим связать наличие сильного государства с количеством женщин, находящихся во власти, позволяет сделать вывод, что своим усилением российское государство после 2021 г. обязано женщинам. Не исключается роль женщин в укреплении российской государственности, если принять во внимание изменения международной обстановки в 2022 и последующие меры, принятые кругом элит, близких к Президенту и лично им, в котором женщины не составляют большинства.

Вместе с тем, среди культурных интересов российской элиты после 2021 года можно определить явление, выступающее специфической характеристикой женского сегмента. Таким явлением является высшее образование. В частности, по данным Росстата доля женщин в Российской Федерации, имеющих высшее образование, составляет 55%. И, если принять во внимание, что доля женщин в российской власти за последнее время увеличилась, то можно сделать вывод, что своим образовательным компонентом российская элита, вероятно, обязана своему женскому сегменту. Следует отметить, что В.Г. Ушакова и С.Д. Савин в упоминаемом нами исследовании смогли зафиксировать доминирование образования среди составляющих интересов женщин над мужчинами в структуре современной российской элиты и соотнести его с ожиданиями россиян от своих политических лидеров:

Девушки серьезнее относятся к наличию высшего образования у политического лидера (61,5 и 41,2%). Этот результат отсылает к статистическим данным. Женщины в нашей стране имеют более высокий уровень образования, нежели мужчины, активнее получают научные степени [10, с. 25].

Таким образом, теоретические конструкты находят подтверждение в реальности, а их объяснительный потенциал по отношению к женскому сегменту российской элиты оказывается убедительным и не стереотипным.

Важной культурной составляющей интересов руководителей-женщин выступают привнесенные из предшествующей вхождению в элиту деятельности, культурные ценности, а также женская специфика осуществления деятельности. Они выступают как качества, по основанию которых женщины рекрутируются в элиту. Естественно, что данные качества имеют различное наполнение. Например, с точки зрения обыденных представлений женщинам во власти приписывается ряд стереотипных качеств: манипулирование, мелочность, склонность к решению проблем в опоре на отношения, уход от прямого столкновения с оппонентами. Современные стереотипы в отношении женщин во власти трансформируется в связи с динамикой политических изменений, что может говорить об их исторической изменчивости [8].

С точки зрения теоретического сознания женский сегмент элиты является носителем культурных составляющих, куда включаются заботливость, миролюбие, склонность к решению проблем в опоре на отношения, а не на средства [5]. Перечисленные качества представляют собой устойчивые модели поведения, которые транслируются в процессе профессиональной деятельности.

Определение культурных составляющих, таких как литература, музыка, театр, танцы, наука, изобразительное искусство, архитектура и других, оказывается менее сложной задачей, и по их поводу существует согласие в общественном мнении.

Важным элементом является мнение женщин элиты о самих себе. Однако, несмотря на это, женское мнение является более релевантным для определения культурных интересов женщин во власти, которые демонстрируют практики, закрепляемые за ними и в сфере обыденного сознания. Поэтому не только обязанный своим рождением науке, но и обыденному сознанию набор культурных составляющих оказывается задействованным элитой, при этом мужская составляющая элиты либо не обладает, либо опасается демонстрировать свое мнение. Поэтому необходимость в данных качествах, атрибутируется субъективно — ими наделяются исключительно женщины.

Вместе с тем существуют стереотипы о деятельности женщин во власти. Поскольку таких примеров оказывается достаточно в сфере женского сегмента российской элиты, обратимся к наиболее существенным образцам соответствия предубеждений о женщинах-претендентках на президентский пост. Так, Т.Б. Рябова в своем исследовании, посвященном стереотипам в российской власти, приводит слова Э.А. Памфиловой во время избирательной кампании 2000 г.: «Может быть, у политиков физиономии мужские, но политика в России далеко не мужская. Она истерично-бабья… не умная… Настоящая, в лучшем понимании, мужская политика должна быть иного качества» [8, с. 194]. В данном случае можно привести в пример президента В.В. Путина, который демонстрирует качества мужской политики, т. е. того, к чему и призывала Э.А. Памфилова. Вместе с тем, несмотря на проигрыш на выборах — продвижение и нахождение в элитном сегменте российской власти у Э.А. Памфиловой оказалось успешным. А выяснить то обстоятельство, насколько бессознательной была демонстрация стерео-

типа или это был сознательный выбор исключительно умной женщины, продвигающей во власть желаемого кандидата, не представляется возможным.

Другим случаем, когда стереотип сумел проявиться у женщины, которая, по определению знает, как себя вести в публичной сфере, был предвыборный ролик К.А. Собчак во время президентских выборов 2018 г. Обосновывая выбор платформы, на основании которой она принимает участие в выборах, политик в своей, в целом рациональной речи, допустила высказывание: «хватит достали». Стоит ли отмечать, что такая лексика никак не свойственна уровню политической дискуссии, однако достаточно широко употребляется среди молодежи. Поэтому нежелание убрать, возможно, проскочившую оговорку из финального варианта ролика отражает либо стереотип женской эмоциональности претендентки, либо рациональный выбор апелляции к возможно более широкой аудитории избирателей[5]. Данные примеры фиксируют практики проявления интересов женщин, продвигающихся ко власти. Однако, дискурс, который они предлагают, не позволяет их трактовать в терминах женской эмоциональности, лишенной рационального.

Таким образом, интересы женщин продвигающихся и находящихся во власти, вбирают в себя культурные составляющие, относящиеся как к сфере обыденных представлений, так и к области научного анализа.

Данные составляющие отражают в практиках властных женщин как закрепленный за ними образ женских качеств, приписываемых им нерефлексивным разумом, так и выявленный наукой набор качеств, отличающий женский сегмент элиты от мужского. Следование стереотипам там, где удается выявить их общие основания, является демонстрацией уровня рациональности, не уступающего мужскому. Исходя из этого, мнение о том, что культурные составляющие интересов женщин-управленцев сообщают их деятельности менее значимые характеристики по сравнению с мужчинами, является ложным. Исторически и логически верным выводом является тот, что культурные составляющие интересов женщин в продвижении и нахождении во власти делают их равноправной и эффективной частью современной российской элиты.

Список литературы

Исследования

1 *Гертнер С.Л.* Культура российской региональной элиты через ее интересы. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2009. 223 с.

2 *Исупова О., Уткина В.* Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, №3. С. 473–486.

3 *Китов Ю.В.* Человек интересующийся. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2001. 236 с.

4 *Колесник Н.В.* Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №4. С. 468–491. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652

5 *Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. №3. С. 53–70.

[5]Собчак, Ксения. 2018. Предвыборный ролик // Youtube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=IHWRJmBhYEw (дата обращения: 20.07.2026).

6 *Пахомова Е.И.* Специфика женского политического лидерства в СССР и современной России // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11, № 1. С. 72–86.
7 *Первушина Е.В.* Петербургские женщины XVIII века. М.: Центрполиграф, 2012. 444 с.
8 *Рябова Т.Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2008. 246 с.
9 *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
10 *Ушакова В.Г., Савин С.Д.* Женщины в современной российской политике и государственном управлении // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 20–31.
11 Философский энциклопедический словарь / [подгот. А.Л. Грекулова и др.]; редкол.: С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
12 *Чернявская Н.А., Усачева О.А., Темникова Н.Ю. и др.* Коммуникативно-психологический портрет женщины-лидера // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 3. С. 154–167. https://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-3-154-167
13 *Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю.* Женщина-руководитель во власти и бизнесе: социально-психологический портрет // Политекс. 2011. Т. 7, № 1. С. 142–162.
14 *Юдина О.В.* Гендерные особенности законотворческого процесса в Федеральном Собрании РФ (2016–2023). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2024. 256 с.
15 *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.
16 *Bem S.L.* The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42, no. 2. P. 155–162.
17 *Eagly A.H., Carli L.L.* Through the Labyrinth: The Truth About How Women Become Leaders. Boston: Harvard Business School Press, 2007. 308 p.
18 *Paustian-Underdahl S.C., Walker L.S., Woehr D.J.* Gender and perceptions of leadership effectiveness: A meta-analysis of contextual moderators // Journal of Applied Psychology. 2014. Vol. 99, no. 6. P. 1129–1145.

***

© 2026. Aleksey N. Burtasenkov
Moscow, Russia

CULTURAL INTERESTS OF WOMEN AS A PROBLEM OF ORDINARY AND THEORETICAL CONSCIOUSNESS

Abstract: Women in power, as well as their path to power serve as a compelling research object to scientists who study power relations — political scientists, elitologists, economists. This can be explained by the growing role that women play in all spheres of public life, both in individual countries and in the world. At the same time, a woman's path to the power, as well as her ability of actually being in it, studied as a subject of political science, economics or elitology, offering an idea of politics, economics or the essence of power, provides little information about its cultural components. Particularly insignificant is the body of research dedicated to the cultural components of women's

interests in the process of advancement and being in power. At the same time, the cultural components of the interests of powerful women can shed light not only on the essence of power, but also on the specifics of its formation and implementation in various political, economic, and cultural contexts. The study of the cultural components of the interests of powerful women may also eliminate false stereotypes associated with female power, formed in ordinary consciousness and interfering with the formation of a scientific understanding of the role played by powerful women in the civilizational and spiritual-cultural development of Russia.

Keywords: culture, interests, women in power, ordinary and theoretical consciousness

***Information about the author*:** Alexey N. Burtasenkov — Postgraduate Student at the Department of Culturology at Moscow State Institute of Culture, Moscow State Institute of Culture, Bibliotechnaya St., 7, 141406 Khimky, Moscow region, Russia.
ORCID ID: 0009-0008-6725-7667
E-mail: Burtasenkov@mail.ru

Received: August 14, 2024
Approved after reviewing: June 29, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Burtasenkov, A.N. "Cultural Interests of Women as a Problem of Ordinary and Theoretical Consciousness." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 168–177. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-168-177

References

1 Gertner, S.L. *Kultura rossiiskoi regionalnoi elity cherez ee interesy* [*The Culture of the Russian Regional Elite through its Interests*]. Moscow, Moscow State University of Culture and Arts Publ., 2009. 223 p. (In Russ.)

2 Isupova, O., Utkina, V. "Molodye zhenshchiny v organakh gosudarstvennogo upravleniia Rossii: faktory, opredeliaiushchie karernye traektorii" ["Young Women in Russian Government: Factors Determining Career Trajectories"]. *Zhurnal issledovanii sotsialnoi politiki*, vol. 16, no. 3, 2018, pp. 473–486. (In Russ.)

3 Kitov, Iu.V. *Chelovek interesuiushchiisia* [*Person Interested*]. Moscow, Moscow State University of Culture and Arts Publ., 2001. 236 p. (In Russ.)

4 Kolesnik, N.V. "Gendernoe (ne)ravenstvo v politicheskoi vlasti rossiiskikh regionov" ["Gender (in)Equality in Political Power in Russian Regions"]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 4, 2021, pp. 468–491. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652. (In Russ.)

5 Lapina, N.Iu., Chirikova, A.E. "Zhenshchina vo vlasti v Rossii: karernyi rost i motivatsiia" ["A Woman in Power in Russia: Career Growth and Motivation"]. *Rossiia i sovremennyi mir*, no. 3, 2010. pp. 53–70. (In Russ.)

6 Pakhomova, E.I. "Spetsifika zhenskogo politicheskogo liderstva v SSSR i sovremennoi Rossii" ["The Specifics of Female Political Leadership in the USSR and Modern Russia"]. *Vestnik RUDN.* Seriia: Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie [State and Municipal Administration], vol. 11, no. 1, 2024, pp. 72–86. (In Russ.)

7 Pervushina, E.V. *Peterburgskie zhenshchiny XVIII veka* [*St. Petersburg Women of the 18th Century*]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2012. 444 p. (In Russ.)

8 Riabova, T.B. *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike* [*Gender of Power: Gender Stereotypes in Modern Russian Politics*]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2008. 246 p. (In Russ.)

9 Spirkin, A.G. *Soznanie i samosoznanie* [*Consciousness and Self-Consciousness*]. Moscow, Politizdat Publ., 1972. 303 p. (In Russ.)

10 Ushakova, V.G., Savin, S.D. "Zhenshchiny v sovremennoi rossiiskoi politike i gosudarstvennom upravlenii" ["Women in modern Russian politics and public administration"]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, 2023, pp. 20–31. (In Russ.)

11 S.S. Averintsev S.S. and other, editors. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar* [*Philosophical Encyclopedic Dictionary*], [prep. A.L. Grekulova and other]. 2nd ed. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989. 815 p. (In Russ.)

12 Cherniavskaia, N.A., Usacheva, O.A., Temnikova, N.Iu. and other. "Kommunikativno-psikhologicheskii portret zhenshchiny-lidera" ["Communicative and Psychological Portrait of a Female Leader]. *Organizatsionnaia psikhologiia*, vol. 12, no. 3, 2022, pp. 154–167. https://doi.org/10.17323/2312-5942-2022-12-3-154-167 (In Russ.)

13 Chirikova, A.E., Lapina, N.Iu. "Zhenshchina-rukovoditel vo vlasti i biznese: sotsialno-psikhologicheskii portret" ["Female Leaders in Politics and Business: A Socio-Psychological Portrait"]. Politeks, vol. 7, no. 1, 2011, pp. 142–162. (In Russ.)

14 Iudina, O.V. *Gendernye osobennosti zakonotvorcheskogo protsessa v Federalnom Sobranii RF (2016–2023)* [*Gender Features of the Legislative Process in the Federal Assembly of the Russian Federation (2016–2023)*]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2024. 256 p. (In Russ.)

15 Iadov, V.A. *Strategiia sotsiologicheskogo issledovaniia* [*The Strategy of Sociological Research*]. Moscow, Omega-L Publ., 2007. 567 p. (In Russ.)

16 Bem, Sandra L. "The Measurement of Psychological Androgyny." *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, vol. 42, no. 2, 1974, pp. 155–162. (In English)

17 Eagly, Alice H., Carli, Linda L. *Through the Labyrinth: The Truth About How Women Become Leaders*. Boston, Harvard Business School Press, 2007. 308 p. (In English)

18 Paustian-Underdahl, Sarach C., Walker, Lisa S., Woehr, David J. "Gender and Perceptions of Leadership Effectiveness: A Meta-analysis of Contextual Moderators." *Journal of Applied Psychology*, vol. 99, no. 6, 2014, pp. 1129–1145. (In English)